

Alla Kamalova, Anna Sokolova

О принципах лексикографирования в тольковых словарях русского языка : (на материале зоонимической лексики)

Acta Polono-Ruthenica 15, 209-222

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Alla Kamalova
Olsztyn
Anna Sokolova
Severodvinsk

О принципах лексикографирования в толковых словарях русского языка (на материале зоонимической лексики)

1. О толковой лексикографии и принципах лексикографирования

Традиция составления словарей имеет многовековую историю, однако теория словаря „как систематическое осмысление сложного эмпирического объекта оформилась совсем недавно. До XIX столетия только практики [...] брали на себя труд комментировать свою работу. Это были в основном «лексикографы-ремесленники», движимые различными, часто противоположными, целями и руководствовавшиеся весьма разными представлениями об объекте своей деятельности”¹.

До середины XX века русская лексикография представляла собой ведущую отрасль прикладного языкознания. Лексикографические идеи Л. В. Щербы² оказали благотворное влияние на словарное дело в России, которое велось в двух направлениях: а) создание словарей различных типов и назначений; б) выработка и формулирование теоретических основ лексикографии. Так, по данным энциклопедии *Языкознание* за период с 1918 по 1962 гг. было создано около 9000 словарей разного типа³.

В 50–70-ые годы выходят два крупнейших академических словаря – *Словарь современного русского литературного языка* (в 17-ти томах, сокращенно БАС), *Словарь русского языка* (в 4-х томах, сокращенно

¹ А. Рей, С. Делесаль, *Проблемы и антиномии лексикографии*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, „Проблемы и методы лексикографии”, вып. XIV, Москва 1983, с. 261.

² Л. В. Щерба, *Опыт общей теории лексикографии*, [в:] Л. В. Щерба, *Языковая система и речевая деятельность*, Ленинград 1974, с. 266–311.

³ *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, Москва 1998, с. 259.

МАС). Практическая лексикография прежде всего стимулировала лексико-семантические исследования. Так, авторы коллективной монографии *История русской лексикографии* отмечают: „в процессе создания БАС, а впоследствии уже на его фундаменте, были созданы многочисленные научные теории, в частности: теория лексико-семантической системы языка; учение о лексическом значении слова и его типах В. В. Виноградова; концепции семантической структуры слова Л. С. Ковтун, лексической и грамматической сочетаемости Н. З. Котеловой, просторечия Ю. С. Сорокина, литературной нормы К. С. Горбачевича, синонимии А. П. Евгеньевой, регулярности метафоры Г. Н. Складневской и др.”⁴.

Создание и выпуск академических словарей обострил внимание лингвистов и лексикографов на собственно теоретических проблемах словарного дела, но только в 80-е годы XX века в России утверждается научный статус лексикографии⁵. Основные положения теории лексикографии, функции, принципы лингвистического описания лексики, аксиомы, постулаты и теоремы обобщены в монографии П. Н. Денисова *Лексика русского языка и принципы ее описания*, где была также предложена типология словарей, ориентированная на понятия идеального словаря как образца⁶. Появляется большое количество исследований, посвященных теории и практике составления словарных статей и, в частности, лексикографической дефиниции – метаязыку словарных толкований, требованиям к информативности дефиниций и под.

Многие проблемы, которые разрабатывались и решались в различные периоды становления и развития теоретической лексикографии, продолжают оставаться актуальными, например:

- типология дефиниций – рассматривалась в работах Д. И. Арбатского (1977); П. Н. Денисова (1980); А. И. Киселевского (1982), А. К. Дарбиняна (1987); Г. Н. Складневской (1994); А. В. Иванова (2006);
- метаязык толкований – об этом писали Н. З. Котелова (1974); Н. Б. Гвишиани (1983); Ю. Д. Апресян (1994); А. Вежбицкая (1996); И. С. Куликова, Д. В. Салмина (2002);
- включение/ невключение различных типов информации в состав дефиниций – обсуждалось в исследованиях М. Н. Правдина (1983);

⁴ *История русской лексикографии*, Санкт-Петербург 2001.

⁵ В. В. Морковкин, *Об объеме и содержании понятия „теоретическая лексикография“*, [в:] *Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография*, Санкт-Петербург 2002, с. 406–411.

⁶ П. Н. Денисов, *Лексика русского языка и принципы ее описания*, Москва 1980, с. 205–248.

Г. Н. Скляревской (1994); О. Н. Иванищевой (2004); Л. П. Крысина (2004); Е. Р. Добрушиной (2006); А. Г. Соколовой (2009).

Как правило, выдвигаются следующие требования к словарным толкованиям: стандартность, унифицированность, достаточность, экономность, адресная направленность, семантическая ступенчатость описания лексической единицы в толковых словарях⁷. И если такие признаки, как экономность, адресная направленность, унифицированность, являются переменными, то системность, стандартизированность и достаточность постоянны и актуальны для толковых словарей. Полагаем, что из названных требований наиболее проблемной следует считать требование достаточности.

Традиционно под достаточностью понимается „перечисление всех необходимых компонентов значения слова, которые определяют данное слово как член данной системы, одновременно противопоставленный другим членам”⁸. Следовательно, толкование может быть признано достаточным, если в него включена языковая информация о слове, полученная в результате сравнения лексико-семантических единиц. Достаточность, таким образом, должна отражать место слова в лексико-семантической системе. Назовем такой подход к понятию „достаточность” лингвистическим и проведем экспертизу толкования слов на предмет соответствия „лингвистической достаточности”.

Вопрос о достаточности толкований обсуждается нами на примере зоонимической лексики.

2. О термине *зоонимическая лексика*

Слова, именующие животных, заслуживают особого внимания при лексикографировании, так как „образуют специфическую подсистему,

⁷ В. В. Морковкин, *Идеографические словари*, Москва 1970; Д. И. Арбатский, *Толкование значений слов, Семантические определения*, Ижевск 1977; А. И. Киселевский, *Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей*, Минск 1977; П. Н. Денисов, *op. cit.*; Б. Ю. Городецкий, *Проблемы и методы современной лексикографии. Вступительная статья*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике...*, с. 5–23; Г. Н. Скляревская, *Новый академический словарь*, Проспект, Санкт-Петербург 1994; Ю. Д. Апресян, *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*, [в:] Ю. Д. Апресян, *Избранные труды*, т. I, Москва 1995.

⁸ Д. И. Арбатский, *op. cit.*

внутри которой существуют свои закономерности, требующие специального описания”⁹.

В лингвистической литературе не выработаны единые требования к изучению лексических единиц, называющих животных, в частности, это отражается в используемом терминологическом аппарате. Как терминологические варианты функционируют *зооним*¹⁰; *зоолексема*, *зоонимосодержащая лексема*¹¹; *зоосемизм*¹².

Для слов, именующих животных, в лингвистической литературе наиболее употребительным является термин *зооним*. В узком смысле *зооним* – это имя собственное, кличка животного (наряду с топонимами и гидронимами как наименованиями географических объектов и антропонимами – именами и фамилиями людей)¹³. В широком смысле под *зоонимом* понимается наименование животных в первичной номинации, которые „на протяжении веков служат богатым и интересным источником для появления зооморфизмов – метафорически мотивированных имён лица”¹⁴. Подобное понимание термина находим в статье Т. Д. Барышниковой, подразумевающей под этим понятием „конкретную терминологию” или „конкретную терминосистему” как противопоставленную абстрактной¹⁵, но исследователем не рассматривается возможность вторичной номинации. (Ср. также об объеме и содержании терминов в других исследованиях¹⁶).

В нашей работе пользуемся терминами *зоонимическая лексика* для лингвистического обозначения лексических единиц, объединённых понятием „животное”; *зооморфная метафора* – для слов с переносным

⁹ О. В. Галимова, *Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков)*, Уфа 2004, с. 6.

¹⁰ Т. Д. Барышникова, *Структурно-семантические свойства ботанической терминологии (на материале английского языка)*, [в:] *Вопросы романо-германской и русской филологии*, Пятигорск 1997, с. 28–33; М. Н. Лапшина, *Семантическая эволюция английского слова. Изучение лексики в когнитивном аспекте*, Санкт-Петербург 1998.

¹¹ В. В. Морковкин, *op. cit.*

¹² А. А. Киприянова, *Функциональные особенности зооморфизмов. На материале фразеологии и паремологии русского, английского, французского и новогреческого языков*, Краснодар 1999.

¹³ М. И. Сюсько, *Способы и типы деривации в зоонимии*, учебное пособие, Киев 1989, с. 3.

¹⁴ М. Н. Лапшина, *op. cit.*, с. 6.

¹⁵ Т. Д. Барышникова, *op. cit.*, с. 28.

¹⁶ В. В. Морковкин, *Идеографические...*, с. 25; Л. Ф. Миронюк, *Семантическая типология славянских зооморфических глаголов*, Днепропетровск 1987; А. А. Киприянова, *op. cit.*; Г. Н. Скляревская, *Метафора в системе языка*, Санкт-Петербург 2004.

значением (*кошка, лиса, собака* – о предмете, ситуации, человеке). В связи с разнообразием видов, отрядов, семейств представителей животного мира используются и другие термины-гипонимы, обозначающие классы животных в соответствии с биологической систематикой: Млекопитающие – *зооним*, Птицы – *орнитоним*, Рыбы – *ихтионим*, Земноводные – *батрахоним*, Насекомые – *энтомоним*, Пресмыкающиеся – *герпетоним*.

3. Анализ лексикографического описания зоонимической лексики

Обращение к предметной лексике не случайно, так как при семантическом описании именно этой лексики возникают наибольшие трудности и неточности при лексикографировании. Источник материала – *Словарь русского языка* (МАС₁); на выбор источника повлияли следующие факторы: 1) это словарь академический, а, следовательно, образцовый; 2) это последний многотомный, законченный словарь; 3) это словарь, воплощающий системный подход в описании лексических единиц. Для сравнения толкований привлекаются материалы БТС; при необходимости обращались к БСЭ и БЭС¹⁷.

Рассмотрим суть проблемы на примере ихтионима *щука*.

Щука [...] Хищная пресноводная рыба с вытянутой, сплюсненной сверху головой и удлинённым телом [МАС₁ 4: 744].

Толкование включает пять семантических компонентов значения слова *щука*: ‘рыба’, ‘пресноводная’, ‘хищная’, ‘тело удлинённое’, ‘голова сверху сплюсненная’.

Сравним это толкование с описанием ихтионима *жерех*.

Жерех [...] Пресноводная хищная промысловая рыба семейства карповых [МАС₁ 1: 479].

Эти два слова имеют идентифицирующие признаки: ‘рыба’, ‘пресноводная’, ‘хищная’; в то же время в толковании слова *щука* отсутствует указание на „семейную” принадлежность, а толкование слова *жерех* предполагает наличие у пользователей словаря знаний о внешнем виде рыб семейства карповых. Достаточность подобных толкований

¹⁷ Значение сокращений и список лексикографических источников помещен в конце статьи.

условна, она отвечает теоретической базе и задачам словаря, однако не является, на наш взгляд, информативной для пользователей.

Изучим дефиницию орнитонима *страус*.

Страус [...] Большая быстро бегающая птица с недоразвитыми крыльями, обитающая на открытых безлесных пространствах Африки [МАС₁ 4: 283].

Данное толкование можно признать лингвистически достаточным при условии, что не существует слов, называющих других крупных бегающих птиц. Однако бытует похожая на страуса, но менее известная птица казуар.

Казуар [...] Крупная бегающая птица с черным волосовидным оперением, с сильными трехпальными ногами, обитающая в тропических лесах Новой Гвинеи, на северо-восточном побережье Австралии [МАС₁ 2: 15].

Для названных птиц характерен различный ареал обитания, по этому признаку слова противопоставлены друг другу, но думается, этого недостаточно: наличие слова *казуар* влияет на значимость слова *страус*. Полагаем, что в толковании орнитонима *страус* как наиболее известного может быть включена информация о похожей птице: „ср. с *казуар*”, а в толковании орнитонима *казуар* – информация о признаках, отличающих эту птицу от страуса, что потребует обращение к экстралингвистической информации.

Перейдем к следующему примеру – к толкованию батрахонима *тритон*.

Тритон [...] Хвостатое земноводное семейства саламандр, похожее на ящерицу [МАС₁ 4: 412].

Аналогичную информацию обнаруживаем в толковании слова *саламандра*.

Саламандра [...] 1. Хвостатое земноводное, похожее на ящерицу [МАС₁ 4: 14].

Толкования зоонимов *тритон* и *саламандра* указывают на их принадлежность к биологическому классу, устанавливают отношения слов *тритон* – *саламандра* – *ящерица*, однако не содержат информации о различительных признаках. Ссылка на внешний вид ящерицы как наиболее известное животное указывает на некоторое портретное сходство, но в то же время вводит в заблуждение, поскольку ящерица – представитель другого класса – пресмыкающихся. Зоонимы *тритон* и *саламандра* оказываются не противопоставленными, и, соответственно, толкования нельзя признать достаточными.

Анализ дефиниций слов *страус*, *тритон* выявил, что их описания не отвечают в полной мере требованию лингвистической достаточности. В связи с этим встает вопрос: „Как может быть решена проблема достаточности лексикографических дефиниций?”. Рассмотрим этот вопрос на примере толкования зоонима *овца*.

Овца [...] Небольшое домашнее жвачное животное семейства полорогих, дающее шерсть, мясо, молоко; самка барана [МАС₁ 2: 583].

Данное толкование содержит семантические компоненты ‘животное’, ‘млекопитающее’ (молоко), ‘жвачное’, ‘домашнее’, ‘небольшое’, ‘полорогое’, ‘самка’, которые отличают овцу от коровы и барана, однако в описании этого слова необходимы признаки, отличающие слово *овца* от слова *коза*, поскольку в толковании последнего содержатся все вышеперечисленные семантические признаки:

Коза [...] 1. Домашнее рогатое животное семейства полорогих, дающее молоко, шерсть, мясо; самка козла [МАС₁ 2: 68].

Как видим, содержание толкований совпадает; набор семантических компонентов этих слов не противопоставлен, следовательно, толкования слов *овца* и *коза* не могут быть признаны лингвистически достаточными.

Обратимся к энциклопедическим сведениям об этих животных. В БСЭ читаем: „**Овца** – млекопитающее из рода баранов с густой кучерявой шерстью и со спирально-разветвлёнными рогами у самцов; **коза** – млекопитающее из рода горные козлы, тело покрыто прямой шерстью, рога сжаты с боков, загнуты назад и усажены спереди поперечными валиками” [БСЭ 1: 618]. Таким образом, онтологически различительной является информация о принадлежности к различным родам, характеристика внешнего вида животных: шерсти и рогов. Соответственно, вопрос о достаточности толкований зоонимов *коза* и *овца* может быть решен за счет включения энциклопедических сведений.

Выше вопрос о достаточности лексикографических толкований рассматривался на уровне системных отношений лексических единиц. Далее обращаемся к рассмотрению достаточности толкований на уровне эпидигматических отношений.

Обратимся к орнитониму *ворона*, которое в МАС₁ представлено как двузначное.

Ворона [...] 1. Птица с черным или серым оперением, родственная ворону. 2. О рассеянном, невнимательном человеке [МАС₁ 1: 283].

Анализ толкований многозначного слова позволяет поставить следующие вопросы: 1 – Какое конкретно оперение имеет ворона?; 2 – Какие

признаки различают ворону и ворона?; 3 – На какой базе сформировалось вторичное значение слова *ворона*?

Прежде всего, логично обратиться к толкованию слова *ворон*.

Ворон [...] Крупная птица с блестящим оперением, гнездящаяся обыкновенно в уединенных местах [МАС₁: 283].

Толкования прямых значений не выявляют дифференциальные компоненты семантики слов *ворона* и *ворон*, и, соответственно, толкования не представляются достаточными. Обращение к БЭС помогает ответить на первый и второй вопросы: „**Вороны** – два близких вида птиц семейства вороновых – серая ворона и черная ворона [...]. У серой вороны оперение серое с черным, у черной – все черное. На границах ареалов встречаются гибриды переходной окраски [...] Черная ворона населяет Западную Европу, Азию, Северную Америку, [...] на остальном пространстве обитает серая ворона” [БЭС: 106]. Для двух птиц одного семейства различительными являются признаки, характеризующие внешний облик и место обитания. Включение в лексикографическое толкование признаков ‘серый’, ‘черный’ позволит отличить орнитонимы двух близких видов. Номинации этих птиц в русском языке оригинальны, они указывают как на близость, так и на различия объектов: *ворона* (о серой вороне) и *ворон* (о черной вороне).

Заметим, что элементы энциклопедического описания все чаще включаются в толкования современных словарей, изданных в самом конце XX – начале XXI века. Так, например, обращение к энциклопедической информации прямых значений зоонимов встречаем в дефинициях БТС:

Ворон 1. Крупная птица с блестящим черным оперением, в отличие от вороны гнездится обычно в уединенных местах [БТС: 150].

Ворона [...] 1. Птица с черным или серовато-чёрным оперением, родственная ворону, но живущая обычно около жилища человека [БТС: 150].

Отметим также, что толкование МАС₁ не позволяет установить характер эпидигматических отношений между ЛСВ слова *ворона*. Объяснение иерархии значений многозначного слова, указание на метафорическую базу производного значения находим в БТС:

Ворона [...] 1. Птица с черным или серовато-чёрным оперением, родственная ворону, но живущая обычно около жилища человека. По народным представлениям: ворона – простоватая, нерасторопная, мстительная, лишённая какой бы то ни было привлекательности птица. 2. *Разг.-сниж.* О рассеянном, невнимательном человеке; ротозей [БТС: 150].

В БТС проблема достаточности толкования решена путем включения культурологической информации.

Анализ толкований зоонимов на предмет требования лингвистической достаточности выявил, что необходимо говорить о системной достаточности и об эпидигматической достаточности. А также то, что этот принцип зачастую не выдерживается, решается в словарях неединообразно. Как показывают наблюдения, наиболее проблемным для толковых словарей является отражение эпидигматической достаточности. В связи с чем обратимся к анализу эпидигматической достаточности и предложениям, разработанных в рамках наших исследований

4. Опыт лексикографирования многозначного слова *заяц*

Прежде всего изучим толкования зоонима *заяц*, проведем экспертизу дефиниций на предмет эпидигматической достаточности.

МАС₁: **ЗАЯЦ** [...] 1. Небольшой, пугливый зверек отряда грызунов, с длинными задними ногами и длинными ушами // Мех этого зверя. 2. *Разг.* Пассажир, не имеющий билета, или зритель, проникший без билета куда-л [1: 599].

БТС: **ЗАЯЦ** [...] 1. Небольшой, пугливый зверек отряда грызунов, с длинными задними ногами и длинными ушами // Мех этого зверя. • Традиционный персонаж русского фольклора: слабый, беззащитный, трусливый зверь. 2. *Разг.* Слабый, беззащитный, трусливый человек 3. Пассажир, не имеющий билета, или зритель, проникший без билета куда-л [359].

Зооним *заяц* в МАС₁ представлен 3 значениями (основное значение, „оттенок значения” и метафорическое значение), в БТС – 4 значениями (основное значение, „оттенок значения” и два метафорических значения).

Обозначим семантические компоненты зоонима *заяц*, которые выявляются на основе словарных дефиниций: ‘зверек’; ‘отряда грызунов’; ‘небольшой’; ‘с длинными задними ногами’; ‘с длинными ушами’; ‘пугливый’.

При анализе компонентов толкований возникают следующие вопросы: (1) Можно ли назвать зайца *зверем/зверьком*? (2) Логично ли включение информации о размере животного?

1. При ответе на первый вопрос обращаемся к толкованию слова *зверек*: **ЗВЕРЕК** [...] *Уменьш.* к зверь, небольшой зверь [МАС₁ 1: 601]. В соответствующей словарной статье находим: **ЗВЕРЬ** [...] 1. Дикое, обычно хищное животное [МАС₁ 1: 602]. Поскольку заяц – нехищное

животное, то, думаем, что логично употребление классифицирующего компонента ‘животное’.

2. Толкование свидетельствует о том, что в семантике слова *зверек* уже заложена информация о размере животного – ‘небольшой зверь’. Следовательно, можно считать толкование избыточным. В данном случае признаем логичным введение компонента ‘средний размер’, поскольку членение явлений окружающего мира оказывается дробным, триадным: большой – средний – маленький, а не дуальным, что вполне соответствует языковой картине мира и представлению в ней о размере животных; это находит отражение и в определении размера животных, в размере-эталоне (в терминологии З. Вендлера – меры¹⁸, в исследованиях А. Вежбицкой – прототипа¹⁹). Так, например, полагают, что в качестве эталона животного среднего размера для языков европейского стандарта выступают собака и волк.

Обратимся к анализу эпидигматических отношений слова *заяц*.

В лексикографических дефинициях обоих словарей представлен как оттенок основного значения метонимический перенос: <животное → мех этого животного>. Возникают новые вопросы: (1) Что понимается под оттенком значения?; (2) На основании каких признаков выделяется оттенок значения? Полагаем также, что необходимо проанализировать порядок и обоснованность включения переносных значений в указанных словарях.

Под *оттенками значения* составители словарей понимают более тонкие и детальные смысловые деления внутри значения, однако в МАС₁ в качестве оттенков значения подразумеваются различные семантические явления: сужение значения, перенос значения, употребление значения по смежности, по сходству, а в БТС – только метонимические переносы. Анализ современных теоретических исследований, проспектов, вступительных статей толковых словарей конца XX – начала XXI века свидетельствует о постепенном отказе от практики выделения оттенков значений, они фиксируются как лексико-семантические варианты. Так, например, в *Словаре современного русского литературного языка* (под редакцией К. С. Горбачевича) в качестве оттенков значения выделяются только мотивированные дериваты, в *Большом академическом словаре русского языка* (под редакцией Н. А. Никитиной) оттенки значения не выделяются, семантические явления определяются как лексико-семантические варианты. Следовательно, более логичным

¹⁸ З. Вендлер, *О слове good*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, „Лингвистическая семантика”, вып. X, Москва 1981, с. 531–535.

¹⁹ А. Вежбицкая, *Язык. Культура. Познание*, Москва 1996.

видится представление метонимических переносов как вторичных значений.

В МАС₁ указывается на одно метафорическое значение, БТС фиксирует два метафорических значения.

Значение ‘слабый, беззащитный трусливый человек’ в БТС обосновано характеристикой животного, содержащегося в толковании зоонима *заяц*, ‘пугливый’. В БТС в культурологической части дефиниции прямого значения (после мета-знака ·) зоонима *заяц* представлено символическое значение слова: ‘традиционный персонаж русского фольклора: слабый, беззащитный, трусливый зверь’, которое устанавливает связь между прямым и переносным значениями.

Другое значение – ‘пассажир, не имеющий билета, зритель, проникший без билета куда-л’ из толкования зоонима не выводится, а включение метонимического значения ‘мех этого животного’ предполагает у пользователей словаря наличие знаний об использовании меха этого животного.

Полагаем, что для прояснения возникших вопросов необходимо обратиться к концепту ‘Заяц’, к его смысловому ядру. Поскольку заяц – предметная сущность, концепт может характеризоваться как фрейм²⁰, а моделирование фрейма позволит выявить наиболее полно объем, содержание и структуру знаний о предмете²¹.

Фрейм ‘Заяц’

1. Что это такое? – Дикое неприручаемое животное.
2. Как и чем питается? – Не хищное, грызун: передние зубы, как в верхнем ряду, так и в нижнем ряду увеличены, зубы самозатачиваются, поскольку животное питается не только травой, но также корой деревьев.
3. Какой величины? – Средней.
4. Что характеризует зайца как животное? – мех, хвост, уши, ноги, поведение, способ защиты от хищников, место отдыха.
5. Какого качества мех? – Пушистый, мягкий, легкий.
6. Какого цвета мех? – Летом серый, зимой белый.
7. Какой имеет хвост? – Маленький, пушистый.
8. Какие имеет ноги? – Передние короткие, задние длинные и мощные.
9. Для чего зайцу длинные и мощные задние ноги? – Они помогают спасаться от хищников быстрым бегом.

²⁰ М. Минский, *Фреймы для представления знаний*, Москва 1981, с. 7.

²¹ А. А. Камалова, *Семантические типы предикатов в системном и функциональном аспектах*, Архангельск 1998, с. 55–56.

10. Какие имеет уши? – Длинные, стоячие.

11. Для чего зайцу длинные уши? – Для хорошего слуха, при малейшем шорохе заяц пускается в бегство.

12. Каковы отличительные черты поведения? – Пугливость.

13. Где отдыхает? – Зайцы не имеют постоянного места отдыха, прячутся в траве, в ложбинках, за кочками. Животное старается быть незаметным.

14. Как применяется животное человеком? – мех зайца используется на шапки, подстежки и под. Старинные русские блюда – *заяц на вертеле* и *заячьи почки*.

Информация о мехе животного (пушистый, мягкий, легкий) и применении человеком меха животного помогает связать основное значение и „оттенок значения”. Сведения о поведении животного: пугливость, отсутствие постоянного места обитания и стремлении быть незаметным – объясняет появление переносных значений. Полагаем также, что в культурологической зоне возможно включение метонимического значения ‘мясо’.

Проведенный анализ позволяет моделировать следующее толкование слова *заяц*:

ЗАЯЦ [...] 1. Дикое нехищное животное отряда грызунов, среднего размера, с длинными ушами, с длинными, сильными задними конечностями; животное пугливое, неприручаемое; шерсть пушистая, мягкая, легкая, характеризуется сезонной линькой (летом серая, зимой белая); без постоянного места обитания (отдыхает в укромных местах – в траве, в ложбинках, за кочками).

2. Мех этого животного (используется на шапки, подстежки и под).

3. Мясо этого животного (использовалось для традиционного русского блюда „заяц на вертеле”).

4. Слабый, беззащитный, трусливый человек (*пугливый как заяц*).

5. Безбилетный пассажир или зритель, проникший без билета куда-л. (чувствующий себя как заяц, который пытается быть незаметным).

Предвидим ряд возражений: пространное, неэкономное толкование зоонима, толкование включает энциклопедические сведения о животном и некоторые другие. Полагаем, что современные представления о языке и трактовки семантики слова, а также задачи современной практической лексикографии позволяют учитывать разнообразные сведения о слове. Включение дополнительных сведений о зоониме продиктовано стремлением обосновать семантическую структуру многозначного слова.

5. Выводы

Анализ исследований по теоретической лексикографии, изучение теоретической базы толковых словарей современного русского литературного языка, а также наблюдения над информацией конкретных толкований выявило, что требование достаточности словарных толкований подвижно при ее реализации в конкретной практике словарного дела. Вопрос о достаточности, по нашему мнению, должен учитывать не только теоретические установки составителей словаря, но прежде всего семантику конкретных лексических единиц, их системные отношения.

Современная теория слова позволяет изучать семантику слова в различных аспектах: онтологическом, лексико-семантическом, системном, когнитивном, психолингвистическом, лингвокультурологическом, этнолингвистическом и т. д. Наиболее актуальны для толковой лексикографии – лексико-семантический, системный, когнитивный и культурологический подходы. По нашим наблюдениям, в толковых словарях русского языка XXI века выявляется тенденция к расширению информативного поля за счет экстралингвистической информации – энциклопедической (когнитивной) и культурологической. И, как показывает сравнительный анализ дефиниций, этот опыт следует признать положительным, однако расширение информативного поля дефиниций не может быть самоцелью, привлечение экстралингвистической информации, ее объем должны быть обоснованными.

Лексикографические источники

Большой академический словарь русского языка, в 20 томах, ред. К.С. Горбачевич, т. 1, Санкт-Петербург 2004.

БСЭ – *Большая советская энциклопедия*, в 30 томах, т. 2, Москва 1970.

БТС – *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург 1998.

БЭС – *Биологический энциклопедический словарь*, Москва 2003.

МАС₁ – *Словарь русского языка*, в 4 томах, ред. А. П. Евгеньева, Москва 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка, в 20 томах, т. 1, ред. К.С. Горбачевич, Москва 1991.

Streszczenie

*O zasadach leksykografowania słowa w słownikach ogólnych języka rosyjskiego
(na materiale leksyki zoonimicznej)*

W artykule omówiono zadania i zasady opisu słowa w słownikach ogólnych języka rosyjskiego. Szczególną uwagę poświęcono zasadzie adekwatności semantycznej opisu znaczenia. Autorzy używają pojęcia adekwatności lingwistycznej; adekwatność lingwistyczna rozumiana jest jako opis semantyki słowa uwzględniający stosunki systemowe i epidymmatyczne znaczeń słowa. Materiałem badawczym do analizy zagadnienia adekwatności lingwistycznej są nazwy zwierząt.

Summary

*About principles of the word description in Russian glossary
(on a material of animal names)*

Problems and principles of the word description in Russian glossary are stated in article. The great attention is given to a principle of semantic adequacy of explanation. Authors use concept of linguistic adequacy; linguistic adequacy is understood as the description of the semantics, taking into account various relations of word meanings. Studying of a problem of linguistic adequacy is tested on a material of the animal names.